

УДК 37

«Мировое древо» как базовый концепт языковой картины мира в цикле Н.А. Заболоцкого «Столбцы»

Гаврилов Виктор Викторович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры филологического образования и журналистики,
Сургутский государственный педагогический университет,
628400, Российская Федерация, Сургут, ул. Артема, 9;
e-mail: victorg12@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению индивидуально-авторской картины мира Н.А. Заболоцкого (цикл «Столбцы»). Для описания основных ее аспектов автором применяется концептуальный анализ. Определены ключевые (базовые) концепты текста, построена модель концептосферы, включающая ядро, ближайшую и дальнюю периферию. Ключевым является описание базового концепта «древо» («мировое древо»), вокруг которого, как нам кажется, Н.А. Заболоцкий выстраивает собственную художественную модель мира. Автор статьи, обращаясь к мифологическим источникам, просматривая эволюцию концепта в мировой литературе, приходит к выводу о том, что именно мировое древо как универсальный концепт объединяет вокруг себя разнородные образы, представленные в цикле. Географические и временные пласты, различные точки зрения, различные персонажи – все это становится составляющими сложного мира, рожденного воображением Н.А. Заболоцкого. Мировое древо – это ключ к некой (сакральной) тайне, к пониманию мироустройства.

Для цитирования в научных исследованиях

Гаврилов В.В. «Мировое древо» как базовый концепт языковой картины мира в цикле Н.А. Заболоцкого «Столбцы» // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 22-32.

Ключевые слова

Концепт, мировое древо, индивидуально-авторская картина мира (ИАКМ), миф, мироустройство.

Проблема освоения индивидуально-авторской картины мира

Проблемой освоения индивидуально-авторской картины мира через анализ концептосферы в той или иной степени занимались такие философы, литературоведы, лингвисты, как К.А. Кочнова, Ю.В. Казарин, В.Я. Петрухин, Н.Н. Гончарова, Ю.В. Дюпина и др.

Картина мира отображает «специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Гончарова, 2012]. Главные составляющие единицы человеческого воззрения, восприятия, такие как познание, нравственность, эстетика, находят свое отражение в картине мира. «Практика создает картину мира и влияет на нее, регулирует поведение человека» [там же]. Столь значимая позиция, находящая свое выражение на языковом уровне, должна, безусловно, иметь некую ментальную основу, которую и принято называть индивидуально-авторской картиной мира.

Другое дело, что подходы к ее изучению, выделению свойств и категорий в науке различны. Ю.В. Дюпина предлагает модель лексико-семантического макрополя как языковое семантическое пространство, репрезентирующее картину мира поэта [Дюпина, 2009].

Мы придерживаемся той точки зрения, что через базовые концепты, через описание концептосферы, представленной в цикле Н.А. Заболоцкого «Столбцы», мы сможем описать языковую, индивидуальную картину мира автора, точнее, описать ее модель, на основе которой и строится весь текст.

Исследователи, занимающиеся проблемами языковой картины мира автора, сходятся во мнении, что познание личности человека, его внутреннего мира возможно только через язык, через индивидуальный словарь. Как считает К.А. Кочнова, «индивидуальная языковая картина мира – творческий акт интерпретации и моделирования мира в языке. Весь образ мира, формируемый в каждой из областей человеческой деятельности, есть отражение реальности через определенную призму мировидения, имеющую свой особый угол зрения» [Кочнова, 2014, www]. Языковая картина мира – это, по сути, вербализированное представление автора о действительности. Но действительность эта особая, осложненная интенциями автора, его оценочными суждениями.

Как же анализировать индивидуальную авторскую картину мира? «Ключом к языковой картине мира писателя является анализ его индивидуальной языковой системы, как особым образом организованной иерархической структуры, в которой проявляется специфика индивидуального художественного мышления, видения мира и его воплощения. К изучению языковой картины мира писателя, реализующейся в индивидуальной языковой системе писателя, можно выделить принципиально отличные подходы. Согласно первому подходу, индивидуальное – это особенное, отличное от узуального. Под идиолектом понимается только совокупность особенностей, характерных для личности индивидуума. Индивидуальный язык отличается от общенародного преимущественно количественно, отсутствием отдельных фактов общенародного языка или наличием отсутствующих в нем

и уже потому воспринимаемых как индивидуальные. Индивидуальный язык представляет интерес для исследователя отличными от общенародного, специфическими чертами, т. е. в языке писателя выделяются эстетические знаки и обычные, общезыковые, не несущие на себе «печати личности». Это так называемые «экспресемы», – справедливо отмечает К.А. Кочнова [там же].

Слово является для автора способом освоения, постижения действительности, попытки систематизировать, суммировать знания о мире, создать модель мира, которая, безусловно, в любом случае будет уже и беднее объективной реальности (поскольку человек не в состоянии, в связи с особенностями мышления, охватить все многообразие мира в полном объеме, не упуская деталей, объективно). Однако от писателя этого и не требуется. Читатель ждет не полноты или детализации описания (воссоздания действительности), а яркости, образности этого описания, способных вызвать ответные эмоции, образы, картины.

Вне всякого сомнения, описание индивидуально-авторской картины мира – процесс весьма сложный, требующий многих лет исследования, накопления десятков тысяч языковых фактов и их сопоставления. В этой связи важным представляется замечание Л.В. Щербы о том, что «язык, являющийся выразителем мировоззренческих констант, представляет собой систему систем, в которой все уровни языка участвуют в процессе экспликации индивидуального мировосприятия. Все компоненты объединены системными отношениями в языке, в частности логикой лексикосемантических законов, а это непосредственно выводит нас к вопросу о лексико-семантических полях и к рассмотрению систематизации полей как запечатленной в языке картине мира личности [Щерба, 1974, 4].

Концептуальный анализ цикла Н.А. Заболоцкого «Столбцы»

Итак, «Столбцы» были написаны в годы (первое издание – 1929 год), когда в стране уже восторжествовала советская идеология. Диктат цензуры был повсюду. Тоталитарный режим вкладывал в умы советских граждан идею о том, что существующая власть является непогрешимой, самой правильной, что она – на века...

И в одном из столбцов Заболоцкий пишет, казалось, привычные для того времени, «правильные» и пафосные слова: «И над становьями народов – Труда и творчества закон» [Заболоцкий, 1983, т. 1]. Но эта фраза в общем контексте воспринимается как насмешка, издевка, ирония. Мы видим закон труда и творчества, который убивает все человеческое в гражданах, превращает их в послушные винтики огромной машины под названием «государство». Каким же видится молодому поэту этот новый мир? Какова языковая картина этого мира?

Этот мир искорежен. Он неправильный. Скорее, это не мир, а его отражение в кривом зеркале. Подтверждением тезису становятся бесчисленные (и, безусловно, намеренные) ошибки, которые допускает автор: «Стреляя в небо пистолетом» или «И вдруг исчез. Одно болотце / Осталось в глиняном полу» («Пекарня»).

Отнюдь не случайно цикл начинается со стихотворения «Вечерний бар». Все красиво, романтично, даже одухотворенно. Однако постепенно явь становится абсурдом, пьяный дурман берет свое. Действительность разрушается, мельчает, опошливается. События священной истории преломляются, нивелируются. Святые имена подменяются бытовыми. Над духовным торжествует материальное. Над живым поднимается неживое, механическое и равнодушное:

*Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.*

Любовь становится чем-то пошлым, что связано больше с физиологией, с насыщением тела, с животной страстью. В одном из произведений любовь оборачивается чревоугодием, подменяется им:

*Хочу тебя! Отдайся мне!
Дай жрать тебя до самой глотки!*
(«Рыбная лавка»)

В мире, где все обесценивается, где все можно купить и продать, и сама жизнь перестает иметь какое-то значение, особую ценность:

*Вся жизнь умещается на весах торговца:
Две гирьки, мирно встав на блюде,
Определяют жизни ход.*
(«Рыбная лавка»)

Тогда возникает вопрос: «Кто управляет миром, который окружает Заболоцкого? Кто же царствует над миром?». Автор видит властелином мира мелкого торговца. Это он властитель дум, желаемый и обожаемый. Какой же идеал может дать «князь мира сего» своим почитателям? Идеалом, средоточием всех желаний толпы становятся материальные блага. Причем чем незначительнее вожделенный предмет, тем сильнее гротеск, тем очевиднее разрыв между истинным идеалом и грошовой мечтой толпы:

*Маклак штаны на воздух мечет,
Ладонью бьет, поет как кречет:
Маклак – владыка всех штанов,
Ему подвластен ход миров,
Ему подвластно толп движенье.*
(«Обводный канал»)

На высшую ступень может быть возведен, например, сепаратор (см. стихотворение «Отдых»).

В произведении «Начало осени» автор и сам признается, что мир, который его окружает, возможно, выдуман им самим, нереален:

*Качался клен, и выстрелом ума
Казалась нам вселенная сама.*

Эти строфы отлично ложатся в концепцию языковой картины мира, поскольку представленная в художественном произведении вселенная – всегда вымысел, всегда иллюзия. Пусть так. Но разве нет в ней и реальных черт, отраженных в сознании, трансформированных, но все-таки объективно существующих? Грань между вымышленным миром и реальным весьма тонка, и здесь важно видеть разницу, отличать одно от другого.

По Н.А. Заболоцкому, этот мир болен. Он искалечен, сломан, и вылечить, исправить его нет никакой возможности:

*И воют жалобно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над каналом спят калеки,
К пустым бутылкам прислоняясь.*

(«Обводный канал»)

Итак, автор не дает миру шанса, он обличает его, вскрывает гнойники, демонстрирует перед нами все его язвы, недостатки, все его уродство.

Но ведь должен же быть где-то идеал. Для автора он в гармонии с природой. Только там человек может познать себя, стать самим собой. К сожалению, горожанин, обыватель оторван от природы, не может почувствовать и выразить всей ее глубины, красоты, тайны. Именно поэтому мир становится все хуже, движется к пропасти. Любое животное (например, конь), любая птица ближе к гармонии, чем человек у Заболоцкого:

*И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!*

(«Лицо коня»)

Подтверждение этой мысли мы находим в стихотворении «В жилищах наших»:

*В жилищах наших
Мы тут живем умно и некрасиво.
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
Мы забываем о деревьях.*

У обывателя вместо леса – медь, фокстрот, соблазны материального мира, возведенные в абсолют: «И медным лесом впереди / Гудит фокстрот на пьедестале» («Фокстрот»).

Однако наряду с миром реальным, пошлым, материальным, но понятным, существует и другой мир, тайный, инфернальный, загадочный. Не каждому удастся проникнуть в его суть. Автору это удастся. Особенно ярко описание этого мира представлено в стихах «Искушение» и «Меркнут знаки Зодиака». При этом оба стихотворения написаны в жанре колыбельной песни. Вероятно, на стыке сна и бодрствования человеку может открыться некая

сакральная тайна, которую в иное время и иным способом невозможно постичь. И вновь возникает тема бытования мира как порождения ума:

*Все смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.
Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти –
Только вымысел и бред.*

Здесь отчетливо проявляется отношение автора к смерти. Она рисуется в гротескных, страшных тонах (порой на грани кощунства). Смерть персонифицируется. Она уродлива, равнодушна, безжалостна. Но «частушечный» хорей ослабляет мрак, тоску и ужас, изображенные автором. Остается только пуститься вместе с автором в пляс, повторяя: «И течет, течет бедняжка / В виде маленьких кишок. / Где была ее рубашка, / Там остался порошок» («Искушение»).

Исследователи не раз отмечали связь поэзии Н.А. Заболоцкого с живописью. И здесь приходят на ум «Пляски смерти», картины Клузоне, Мериана, Нотке. Это аллегорический сюжет изобразительного искусства Средневековья, своего рода вариант европейской иконографии, изображающий брэнность человеческого бытия. Нам кажется, что «Столбцы» испытали на себе влияние данного направления в искусстве. Некая отстраненность, отсутствие страха перед смертью, ее олицетворение, натуралистическое изображение атрибутов, сопровождающих умирание, – все это нашло отражение в лирике Н.А. Заболоцкого. Весь мир видится автору как кладбище – деревьев, домов, людей, животных (см. «Искусство»). Но все это двигается, прыгает, шевелится, приводимое в движение непонятными внешними силами и внутренними мотивами.

У автора очень острое зрение. В его стихах пристальное внимание уделяется самым незначительным деталям и живым существам: мох, трещина на полу, стекляшка, птичка, кошка – все это становится объектом для изучения и поводом сделать выводы космического масштаба или почувствовать боль утраты: «Кто-то стонет, кто-то плачет, / Льются звезды с высоты. / Вот уж мох вдали маячит. / Муха, муха, где же ты?» («Муха»).

При этом мировоззрение автора, такое утонченное, порой трагичное, а порой ироничное, резко расходится с мировосприятием окружающих. Так, в стихотворении «Отдыхающие крестьяне» Н.А. Заболоцкий точно характеризует своих современников: «Царя ли свергнут или разом / Скотину волк на поле съест, / Они сидят, гуторя басом / Про то да се, узнав окрест».

Ни волнения, ни печали, ни радости не знают эти люди. Живут ровно, ничто их не тревожит, не забавляет и не удивляет. А поэт мечется, ищет, куда-то зовет, но его крик разбивается о стену равнодушия.

Выделение базового концепта в цикле Н.А. Заболоцкого «Столбцы»

Пожалуй, самым точным и емким образом мира, который представляется автору, является мировое древо.

Древо давно уже стало универсальным символом мировой культуры, встречающимся и в живописи, и в архитектуре, и в литературе. Этому символу несколько тысяч лет. Задумываясь об устройстве мира, пытаюсь его описать, представить в виде целостного и понятного всем образа, человек часто обращал свой взор именно к дереву.

Древние верили, что человек и дерево связаны, могут делиться друг с другом теплом, тайной, мудростью, способны влиять друг на друга. Более того, человек и дерево являются отражениями друг друга в этом мире. Вероятно, поэтому Н.А. Заболоцкий так часто обращается к образу дерева в своей поэзии. Он видит в нем друга, защитника, свое отражение, способное творить, создавать новую реальность.

Отнюдь не случайно Н.А. Заболоцкий помещает его описание в финале «Столбцов». Очевидно, что образ этот выстрадан автором и логично вытекает из всего, что говорилось ранее. Мировое древо – это синтез всего, что видит автор, что окружает его и волнует. По сути, древо, как считает автор, это ось мира, ее основа, вокруг которой развивается, выстраивается все живое, организуется природа: «Я всю природу уподоблю печи. / Деревья, вы ее большие плечи, / Вы ребра толстые и каменная грудь...».

Это ключевой образ в произведении «Столбцы», попытка организовать миропорядок вокруг единого стержня. И автор наглядно доказывает нам существование этой оси. Если отнять у мира эту ось, начнется хаос, неразбериха, мир утратит ориентиры (верх – низ, левую и правую стороны). И такая ситуация вполне возможна (деревья пугливы, тревожны, могут убежать в случае опасности): «Деревья, длинными главами / Ныряя в туче грозовой, / Умчались в поле. Перед вами / Возникнул хаос мировой» («Безумный волк»).

Здесь же в строфе «Ночь в лесу», которая завершает цикл «Столбцы», подробно и образно описана тайная жизнь деревьев, которые все-таки не есть лес. Различия между деревьями стираются, размываются, поскольку каждое из них есть ось. Каждое дерево становится «древом» и, по меткому замечанию автора, становится выражением «чистых понятий», то есть символом, некоей объемлющей мир сферой. Древо у Н.А. Заболоцкого дематериализуется, переходит из нашего физического мира в мир абстрактный, в мир чистого разума:

*Дерево Сфера царствует здесь над другими.
Дерево Сфера – это значок беспредельного дерева,
Это итог числовых операций.
Ум, не ищи ты его посредине деревьев:
Он посредине, и сбоку, и здесь, и повсюду.*

Заключение

В этой связи понимание дерева как «мирового древа» становится уделом философии. Это понимание, эту сакральную тайну можно обрести, приложив интеллектуальные усилия (это нельзя увидеть глазами). Но постижение тайны становится ключом к пониманию мироустройства. И этот ключ нам предлагает Н.А. Заболоцкий в своем произведении «Столбцы».

Библиография

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
2. Виноградов В.В. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 5-11.
3. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396-405.
4. Дюпина Ю.В. Цветообозначение в репрезентации поэтической картины мира Владимира Высоцкого: структура, семантика, функции: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 24 с.
5. Заболоцкий Н.А. Столбцы 1929 года // Собр. соч.: в 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 658 с.
6. Кочнова К.А. Вопросы изучения языковой картины мира писателя // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8328>
7. Петрухин В.Я. Мировое дерево // Толстой Н.И. (ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка).
8. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта чувства в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Кемерово: ИПК. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2. 2003. С. 58-120.
9. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
10. Черкашина Е.В. Метафора как «инструмент» создания индивидуально-авторской картины мира // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XV международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2012.
11. Чумаков А.Н. Метафора как инструмент репрезентации образа мира языковой личности // Русский язык. Литература. Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: I Международная научно-практическая Интернет-конференция

ция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова; филологический факультет; 5-12 октября, 23 ноября – 7 декабря 2009 г.: труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2010. 1532 с.

12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1974. 427 с.

"The world tree" as the basic concept of the language worldview in the cycle by N.A. Zabolotsky "Columns"

Viktor V. Gavrilov

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Philological education and journalism,
Surgut State Pedagogical University,
628400, 10/2 50 let VLKSM st., Surgut, Tyumen Oblast, Russian Federation;
victorg12@mail.ru.

Abstract

The article is devoted to the study of individual author's worldview of N.A. Zabolotsky (the cycle "Columns"). To describe its basic aspects, the author applies a conceptual analysis. The paper identifies the key (basic) concepts of the text, builds a model of the concept sphere, which includes the kernel, the near and far periphery. The description of the basic concept "tree" ("world tree") is the key one, around which N.A. Zabolotsky builds his own artistic model of the world. The author, referring to the mythological sources, looking at the evolution of the concept of world literature, comes to the conclusion that the world tree as a universal concept unites the disparate images presented in the cycle. Geographical and temporal layers, various viewpoints, different characters become components in a complex world, born of the imagination by N.A. Zabolotsky. The world tree is the key to a certain (sacred) secret, to understanding the world arrangement.

For citation

Gavrilov V.V. (2016) "Mirovloe drevo" kak bazovyi kontsept yazykovoi kartiny mira v tsikle N.A. Zabolotskogo "Stolbtsy" ["The world tree" as the basic concept of the language worldview in the cycle by N.A. Zabolotsky "Columns"]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6A), pp. 22-32.

Keywords

Concept, the world tree, individually author's worldview, myth, the world structure.

References

1. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. (2004) *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika* [Linguistic analysis of literary text. Theory and practice]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
2. Cherkashina E.V. (2012) Metafora kak "instrument" sozdaniya individual'no-avtorskoi kartiny mira [Metaphor as "an instrument" of creation of individual author's worldview]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sb. st. po mater. XV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of the XV International scientific-practical conference "In the world of science and art: questions of Philology, Art History and Cultural Studies]. Novosibirsk: SibAK Publ.
3. Chumakov A.N. (2010) Metafora kak instrument reprezentatsii obraza mira yazykovoii lichnosti [Metaphor as a tool for the representation of the image of the world of a language personality]. *Russkii yazyk. Literatura. Kul'tura: aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya v Rossii i za rubezhom: I Mezhdunar. nauchno-praktich. Internet-konferentsiya: Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova; filologicheskii fakul'tet; 5—12 oktyabrya, 23 noyabrya — 7 dekabrya 2009 g.: Trudy i materialy. Sost. Bogomolov A.N., Dunaeva L.A.* [Proc. of the I International scientific-practical Internet conference "Russian language. Literature. Culture: urgent problems of study and teaching in Russia and abroad". Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology; October 5-12, November 23 — December 7, 2009]. Moscow: MAKSS Press.
4. Dyupina Yu.V. (2009) *Tsvetooboznachenie v reprezentatsii poeticheskoi kartiny mira Vladimira Vysotskogo: struktura, semantika, funktsii: Avtoref. dis. . kand. filol. nauk* [Colour denotation in representing the poetic worldview of Vladimir Vysotsky: structure, semantics, functions. Doct. Diss. Abstract]. Tyumen.
5. Goncharova N.N. (2012) Yazykovaya kartina mira kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya [Language worldview as an object of linguistic description]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences], ???.
6. Kochnova K.A. (2014) Voprosy izucheniya yazykovoii kartiny mira pisatelya [The study of the writer's language worldview]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches], 11. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/11/8328> [Accessed 14/09/16].
7. Petrukhin V.Ya (2004) Mirovoe derevo [The world tree]. In: N.I. Tolstoy (ed.) *Slavyanskii drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vol. Vol. 3: K (Krug) — P (Perepelka)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
8. Pimenova M.V. (2003) Osobennosti reprezentatsii kontsepta chuvstva v russkoi yazykovoii kartine mira [The peculiarities of representation of the concept of feelings in the Russian language worldview]. In: Pimenova M.V. (ed.) *Mir cheloveka i mir yazyka* [The world of a human and the world of language]. Kemerovo, IPK. – Seriya "Kontseptual'nye issledovaniya" Publ., 2, pp. 58-120.

9. Potebnya A.A. (1993) *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Kiev: SINTO Publ.
10. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Publ.
11. Vinogradov V.V. (1962) Poetika i ee otnoshenie k lingvistike i teorii literatury [Poetics and its relation to linguistics and literary theory]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 5, pp. 5-11.
12. Zabolotskii N.A. (1984) Stolbtsy 1929 goda [Columns 1929]. In: Zabolotskii N. *Sobr. soch.: V 3t.* [Collection of works: in 3 vol. Vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.